

**Антуан Бодуан Гилсберт ванн Дедем ванн ден Гельдер (1774-1825)**



Альбрехт Адам. 14 сентября 1812г. Под Москвой.

Шпион, добродушно принятый нами за дезертира, сообщил нам, что русские собирались дать нам сражение под стенами Москвы, где позиция их была сильно укреплена. Действительно, 14 (2) сентября поутру мы заметили некоторые приготовления; русские вырубали деревья, возводили редуты, а на высотах, окружавших Москву, виднелась кавалерия. Я следовал с моей бригадой по пятам за королем Неаполитанским, который, идя все время вперед, указывал нам путь. Мы видели его постоянно среди разведчиков, и неприятель мог так же легко различить его по его большому белому султану и позеленому плащу с золотыми петлицами. Русские сделали четыре или пять выстрелов из орудия; но огонь вскоре прекратился; пронесся слух, будто начались переговоры. Но адъютант императора, генерал граф Нарбонн, посланный с каким-то поручением к королю Неаполитанскому, сказал мне: «Конечно, русские покидают Москву, оставляя ее на великодушные французов». Немного погодя император проехал в экипаже и, подозвав меня, сказал: «Прикажите войскам двинуться, еще не кончено». Я видел ясно, что он был озабочен; не знаю, какие были к тому причины, но, очевидно, граф Нарбонн считал известие, привезенное им, более благоприятным, нежели его нашел император. Быть может, Его Величество был недоволен радостью, которую выказали солдаты при мысли, что скоро начнутся переговоры о мире. Они ясно выразили эти чувства, приветствуя императора в то время, когда он проезжал мимо них к городу. Нам велели остановиться около деревянного моста, перекинутого через Москву-реку. Вскоре адъютант короля привез мне приказ идти в Кремль, где часть жителей и нечто

вроде национальной гвардии и укрылись и заперлись в Арсенале. В нас стали стрелять из амбразур. Мы рассеяли эту толпу выстрелом картечью из пушки; и, собрав по приказу короля всех, носящих мундиры, я запер их в императорском дворце, приставив отряд вольтижеров сторожить пленников.

Король продолжал свой путь, окруженный казацкими генералами, которые осыпали его самыми лестными похвалами за его храбрость. Он думал, что русские не узнавали его, но атаман сказал:

« Я давно узнаю Ваше Величество, - Вы неаполитанский король. Разница между нами в том, что я вижу Вас с самого Немана всегда впереди, во главе Вашей армии, между тем как я вот уже три месяца постоянно нахожусь позади нашей». Он пожелал получить какие-нибудь знаки отличия от короля. Его Величество подал ему прекрасные часы, говоря, что он надеется впоследствии предложить ему что-нибудь более приятное: он говорил о своем ордене, которого желал, как ему казалось, русский офицер. Стали говорить о мире. Русские были откровенны. « Вы сами напали на нас, - сказали они КОРОЛЮ, - наш император был другом Наполеона. Зачем объявил он нам войну? Мы очень хотим мира, хотя теперь это стало очень затруднительным, будем, однако, надеяться, что скоро мы опять станем друзьями! » Генерал Дери спросил одного молодого офицера, очевидно, из лиц с положением, находится ли император Александр в армии, так как мы слышали, что его там ждали. Офицер ответил: « Его там нет, и мы не хотим, чтобы он туда приезжал». Когда мы подошли к Владимирским воротам, русские генералы стали просить неаполитанского короля, чтобы он не шел дальше. « Мы Вам уступили город, Ваше Величество, - говорили они, - смотрите, как бы дальше Вы не стали нашим пленником!» Наконец, все-таки условились на перемирие, которое, однако, не должно было ничем обязывать государей. Вследствие этого король приказал мне избегать всяких стычек. Мы вместе с русскими разделили между собой огромное стадо прекрасных быков, которое захватили мои солдаты. Казаки сказали, что это стадо принадлежит им и что им нечем будет поужинать, если мы не отдадим часть его назад. Они говорили, что не заботятся о завтрашнем дне и что пятнадцати быков с них будет достаточно. Я велел возвратить им 22 быка, и они, казалось, были очень довольны. Скрытая радость промелькнула на их лицах, и их лукавая усмешка ясно говорила о их надежде хорошенько наказать нас за наше вступление в Москву.

Был 7-й час вечера, как вдруг раздался выстрел со стороны Калужских ворот. Неприятель взорвал пороховой погреб, что было, по-видимому, условным сигналом, так как я увидел, что тотчас взвились несколько ракет, и полчаса спустя показался огонь в нескольких кварталах города. Как только я убедился, что нас хотел и сжечь в Москве, я тотчас решил присоединиться к моей дивизии и, стоявшей биваком, не сходя с лошадей, на Владимирской дороге, под стенами города. Я устроил свою главную квартиру на мельнице, где я был уверен, что не сгорю. Ветер был очень сильный, к тому же было очень холодно. Только слепой мог не видеть, что это был сигнал к войне на жизнь и смерть; все подтверждал о известии, полученные мной еще в январе месяце в Ростке и Висмаре относительно намерения русских сжечь свои города и завлечь нас в глубь

России . Я уже говорил, что я предупредил об этом герцога де Бассано и что король прусский, как верный союзник, предсказал и императору Наполеону все, что с нами случилось и что ожидало нас впереди. Лучшие дома Москвы были покинуты жителями , из коих иные уехали и всего за несколько минут до нашего вступления в город.

Лакей одной княгини, видевший меня в Италии, узнал меня; он подошел ко мне и просил как милости — спасти дом . Его хозяйка уехала всего только час тому назад, и ее комнаты имели еще жилой вид. Я велел лакею взломать письменный стол, в котором, по его словам, хранились бумаги , и пообещал ему охрану, которую на самом деле послал сюда, но стража, не найдя дома , заблудилась и пробыла несколько дней в этом огромном опустошенном городе . На другой день этот прекрасный дом сгорел также, как и дом генерала Дурасова , в котором осталось несколько слуг. Все эти слуги беспрестанно повторяли мне , что город будет сожжен , чего им вовсе не хотелось, и умоляли меня о помощи. Сначала я думал, что они приписывают это намерение французам, и старался их разуверить, только тогда они и объяснили мне, что в городе осталось более 1 000 человек поджигателей и что граф Ростопчин велел вывезти из Москвы все пожарные трубы, часть которых им, однако, удалось припрятать. Итак, они просили моей помощи против русских ! Только на другое утро я смог послать туда своих солдат, но было уже поздно - дом был разрушен .

**(Дедем)**